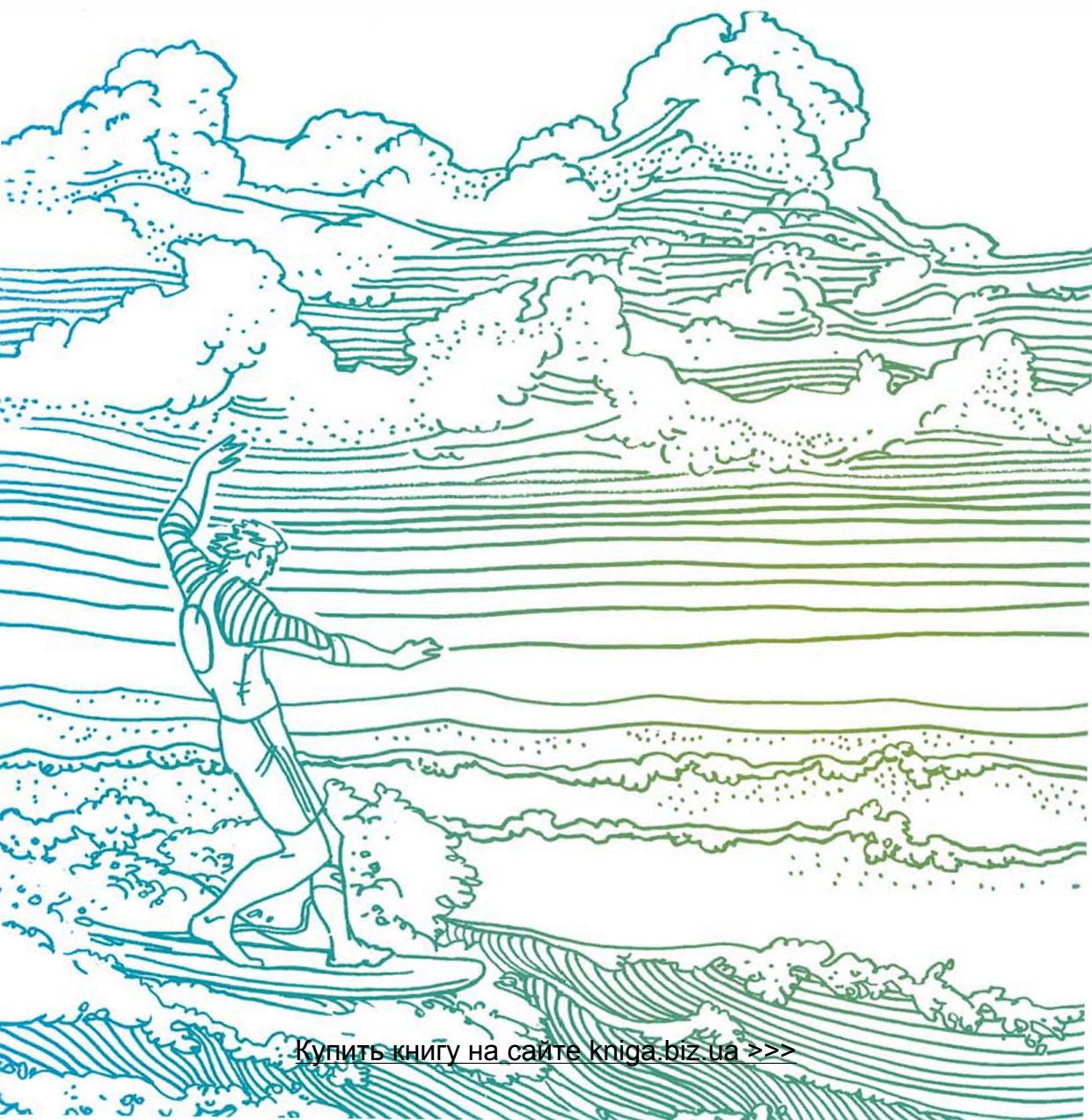

НИКИТА ЗАМЕХОВСКИЙ-МЕГАЛОКАРДИ

СЕРФИНГ

СВОБОДА БЫТЬ СОБОЙ

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

Содержание

<i>О чем эта книга</i>	6
«Нельзя менять призвание»	9
От автора	19
Первый сет. Павел	21
Второй сет. Света	27
<i>Методика</i>	35
Третий сет. Лена	41
Четвертый сет. Женя	47
Пятый сет. Петров	53
<i>Методика</i>	59
Шестой сет. Инна	65
Седьмой сет. Анна	73
Восьмой сет. Сергей. Саша	77
<i>Методика</i>	85
Девятый сет. Супер-Леха	87
Десятый сет. Юна	91
Одиннадцатый сет. Дети	99
<i>Методика</i>	105
Двенадцатый сет. Лагерь на острове Маврикий	109
Тринадцатый сет. Антон	117
<i>Методика</i>	125
Четырнадцатый сет. Алексей	129
Приложения	133
«Мой серфинг»	134
Серф-словарь	139
Об авторе	154

[<< Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>](http://kniga.biz.ua)

Первый сет Павел

Когда блики пляшут с непроглядным морем, этот танец света и воды кажется волшебством. На поверхности он яркий, быстрый, словно блики подскакивают в унисон неведомым тактам, и гудит ветер, и рокочет прибой, и шипит пена! Но вдруг ныряешь, открываешь глаза и наблюдаешь этот танец под водой... В которой медленно и тяжело движутся лучи, словно блики опустили в голубую толщу свои светлые, неожиданно мощные колени.

Эта толща — древний страх. Под ее покровом рождаются легенды. В ней живут химеры, которым было начало, но не будет конца. Их писали рунами. Ими покрывали свитки, их высекали в камнях и несли из уст в уста. Передавали с поцелуями. Они древней любви.

Во Вьетнаме я седлал единорогов. Там тогда было много разных ребят. Учеников. Одни приезжали за ветром, другие за пляжем, третья по пакету от турфирмы.

Они ездили на мопедах, сверкающих под косматым солнцем, как жуки. Почти все сначала удивлялись классическому серфингу, неожиданно — в моем лице — оказавшемуся в доступном для русского человека пространстве; потом, мгновенно сообразив, что это придает их поездке в лето-воду-доски дополнительную экзотичность, фотографировали на свои «зеркалки» себя с волнами и досками.

Одни шумели у прибоя, как у бортика манежа, другие заходили в этот «манеж», а в нем, будто строптивые коньки, приплясывали волны. И мало кто видел, что барьера, отделяющего их от манежа, нет, как нет и самого манежа, — за прибоем начинались просторы.

А я стоял, ввинчивая пятки в теплый мелкий песок, напротив серф-станции «Кайт Пират». По морю бежала бронзовая рябь. Казалось, что море — древний дракон, распластавший крылья, что он дышит и его чешуи шевелятся, когда в его теле течет вздох. Небо расплывалось закатом.

Уходящее в бледно-голубой шелк солнце роняло капли своих лучей, и они растекались неимоверными пятнами. Ветер стихал, коричневая, как корзина, круглая лодка лежала на песке, пахли цветки деревьев с холма. Их запах всегда ждал вечера и только в сумерках выходил на свой короткий хмельной променад.

Прибой начинал успокаиваться. Катил волны ровнее, в них попадали пологие длинные лучи, делая воду золотой.

Наконец прибой успокоился настолько, что некоторые волны до самого берега умудрялись пронести, не растеряв, на своей верхушке пенную гриву. Из этих волн и высекали единороги. Среди них хотелось быть.

Я среди них и был. Как только у меня появлялись «окна» между занятиями виндсерфингом с новичками, я с огромной, похожей на старую черепаху учебной доской «малибу» влезал в их табун. Я цеплялся короткими гребками за их гривы, я хотел, чтоб они унесли меня, как и положено единорогам, на своих спинах в мечту. Но чаще они взрыкивали у меня перед лицом жемчужными копытцами, больно хлестали по глазам пенными солеными хвостами, и я летел вниз, с их спин, в хаос пузырей, шипения и воды.

Но, пусть и мгновение, мечту впереди я видел!

И то, что мечту можно не просто иметь в своем воображении, а видеть в реальном мире, вызывало желание ею поделиться.

Всем вокруг при любой возможности я говорил о серфинге, о своем Черном море и его волнах, о волнах коварного Азова. Все слушали, вежливо приподняв брови или

невежливо посмеиваясь, а мне был нужен кто-то, кому я мог показать единорогов. И этот «кто-то» приехал во Вьетнам, в место, где нет пригодных волн (это мы с ним теперь уже понимаем), ко мне, учиться серфингу! Но тогда нам была безразлична пригодность волн, не о технике мы говорили и думали — о духе.

Звали того парня Павел, Паша.

Мы познакомились в послеобеденное время, когда тени удлинялись, красиво ложась на песок, начинался отлив, и поэтому вода была прозрачно-зеленой.

Мне столько всего хотелось ему рассказать. О том, как кони из воды, света и воздуха, с рогом во лбу, несутся к берегу табунами. Пряником из холодной бретонской легенды¹. О том, что со спины такого коня берег видится совсем иным, а чтобы встать ему на спину, надо сначала его поймать — он ни останавливаться, ни ждать не станет! Что будет страшно...

И мы возились с доской до темноты на порыжевшем от заката песке, между черными тенями пальм и белой пеной моря, а потом в эту пену заходили, и я, подталкивая Пашу по волне, кричал вслед:

— Ногу, ногу подтяни! Распрямись!

Он распрямлялся, оглядывался зачем-то назад, на меня, маленькая строптивая водяная лошадка, на спине которой он с трудом балансировал, взбрыкивала, и Паша летел плашмя в воду.

Я всплескивал руками, говорил протяжно и разочарованно:

— Э-э-э-эх... — и тут же получал в спину тугими копытцами неудержимых водяных коней.

Иногда злился на них, иногда на Пашу. А они, единороги, толкали меня в своем вечном беге вперед — просто стоять среди них было невозможно!

¹ Как говорит старинная легенда, из волны, сумевшей пронести свой гребень, не обрушив, до самого берега, выходят белоснежные единороги. И счастлив тот морской путник, который, попав в беду, встретит такого единорога и выплынет на его спине на берег, из лап пучины. *Прим. авт.*

— Ну, я вроде тяну ногу... — отплевываясь, говорил Паша, и мы все начинали заново.

Снова он с волной скользил к берегу, прямо через пологий свет, летящий сквозь воздух и воду. Дотягивал ногу и вставал! Я готов был вновь заорать, но он не упал.

Он не упал тогда! Он проехал, хотя и без поворотов, всю ту строптивую волну, до берега, раскинув, как птица крылья, голые руки — на них лежали бронзовые огни огромного солнца.

На меня тогда снизошло странное чувство. Все, о чем вопила моя душа, вдруг смолкло. Время растянулось, пока Паша скользил по волне, и я слышал лишь топот стада скачущих единорогов. Такая была тишина вокруг, и только этот топот, рокот волн...

Потом мы сидели на берегу. Стремительно темнело, как бывает только в тропиках. Тени растекались, и от этого берег, казалось, становился жидким, тогда как под последними лучами солнца море отвердевало гранями волн.

— Что-то страшновато... — неуверенно сказал Паша и усмехнулся тому, что его мечта оказалась страшной, хотя он катился на волне по колено.

Я поднял руки, собираясь говорить с их помощью, пока не найду слов, но Паша меня перебил:

— Ну, в смысле это страшно как бы потому, что это по-другому, чем всё...

*Когда блики
пляшут с непрогляд-
ным морем, этот танец,
света и воды кажется вол-
шебством. На поверхности он
яркий, быстрый, словно блики
подскакивают в унисон неведо-
мым тактам, и гудит ветер,
и рокочет прибой, и шипит
пена! Но вдруг ныряешь, от-
крываешь глаза и наблю-
даешь этот танец
под водой...*

[<< Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>](http://kniga.biz.ua)